

О посѣщеніи театра духовенствомъ.

(Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ христіанства и культуры).

По поводу реферата объ отношеніи интеллигенціи и церкви въ религіозно-философскихъ собраніяхъ возникъ общій вопросъ объ отношеніи христіанства и культуры. Правая сторона собраній съ теоретическими богословскими доводами въ рукахъ энергично отстаивала, что христіанство не отрицаетъ культуры. Но одно дѣло хорошія слова, а другое—жизнь, къ сожалѣнію не подтверждающая хорошихъ словъ. Пропастъ между интеллигенціею и церковью, въ ея представителяхъ духовенствѣ, значительно сгустилась бы, если бы наше духовенство на дѣлѣ пріобщилося культурѣ, въ ея лучшихъ сторонахъ. Но это пока только *pium desiderium*: въ общемъ духовенство пока все еще стоитъ въ сторонѣ отъ культурной жизни, относится къ ней болѣе отрицательно, ригористически. Нельзя не пожалѣть въ особенности, что русское духовенство лишено гуманизирующаго, облагораживающаго вліянія искусства и литературы. Духовенство однако держится своего особаго взгляда на этотъ счетъ. Рѣшая вопросъ, часто возникающій въ духовной средѣ, „полезна или вредна беллетристика, назидательно или грѣховно чтеніе беллетристическихъ произведеній“, одинъ изъ нашихъ духовныхъ журналовъ признаетъ чтеніе беллетристики дѣломъ грѣховныхъ: „М. Филаретъ“, разсуждаютъ въ журналѣ, „стоялъ за послѣднее рѣшеніе вопроса, именуя романы „повѣстями страстей“ и говоря о чтеніи ихъ такъ: „не касайся огня—обожжешься, не касайся смолы—очернишься“. Въ этихъ словахъ м. Филарета надобно видѣть не ригоризмъ или аскетическую односторонность мысли, а просто глубокое

прозрѣніе въ нѣдра той почвы, на которой произрастаютъ наша беллетристика и театръ. Беллетристика и сценическое искусство суть плоды обычной, будничной, не озаренной благодатію, человѣческой жизни. А такая жизнь есть смѣсь добра и зла. Этотъ мутный, нравственно не безупречный отпечатокъ нашей естественной, не проникнутой всецѣло благодатію жизни, часто отражается какъ въ театрѣ, такъ и беллетристикѣ преобладаніемъ формы надъ идеей, средства надъ цѣлію. Артисты и романисты возбуждаютъ вниманіе зрителей и читателей не ради какихъ либо назидательныхъ цѣлей, а часто ради самого вниманія, разжигаютъ страсти, ищутъ популярности въ публикѣ и т. д.¹⁾ Въ приведенной выдержкѣ прекрасно выражается господствующее въ духовенствѣ отношеніе къ литературѣ и театру. Особеннымъ неблаговоленіемъ пользуется, какъ видимъ уже и отсюда, театръ. Сценическое искусство является въ полномъ смыслѣ запретнымъ для духовенства искусствомъ, и вотъ объ этомъ-то странномъ обстоятельствѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Открыто театръ совершенно не посѣщается духовными лицами не только монахами, но и такъ наз. бѣлыми духовенствомъ, женатыми священниками, несостоящими въ отреченіи отъ міра. Почему же театръ не посѣщается у насъ духовными лицами даже послѣдней категоріи?

Постановленный вопросъ представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что причинъ для священниковъ избѣгать театра нѣтъ въ законодательствѣ православной церкви. Постановленія церкви противъ посѣщенія театра мірянами и клириками имѣютъ отношеніе лишь къ древне-языческому театру и принадлежатъ къ числу недействующихъ церковныхъ законовъ,—въ противномъ случаѣ и теперь участвующие въ зрѣлищахъ міряне подвергались бы отлученію отъ причастія (по 51 прав. VI всел. собора) и т. п. Отсутствуютъ и богословско-теоретическія основанія къ отверженію театра, какъ искусства „грѣховнаго“; по крайней мѣрѣ даже въ духовной печати можно отмѣтить статью, гдѣ говорится о высокомъ религіозно-нравственномъ значеніи сценическаго искусства²⁾.

¹⁾ *Миссіонерск. Обзорніе* 1903, № 6, стр. 760—761.

²⁾ *Богословскій Вѣстникъ* 1902, ноябрь, въ ст. „Идея царства Божія“. Статья эта, къ удивленію, сочувственно была принята въ *Миссіонерск.*

Гдѣ же причины, по которымъ духовные не посѣщаютъ театра открыто (посѣщая его скрытно, что, конечно, во всякомъ случаѣ хуже открытаго посѣщенія)? Интересенъ отвѣтъ на этотъ вопросъ самихъ духовныхъ, и мы находимъ его въ духовной печати. Вѣроятно, тутъ мы имѣемъ дѣло съ голосомъ не всего духовенства, а извѣстной его части; но во всякомъ случаѣ голосомъ этимъ выражается господствующее въ духовенствѣ мнѣніе по вопросу и въ этомъ отношеніи характерное.

Отвѣчая на вопросъ, почему церковь воспрещаетъ священнику присутствовать при представленіи драматическихъ произведеній, несомнѣнно имѣющихъ немаловажное значеніе „для улучшенія и воспитанія духовнаго человѣка“ (самый фактъ запрещенія, конечно, измышленъ) одинъ духовный журналъ отмѣчаетъ причины этого мнимаго обстоятельства въ противорѣчій театральнаго искусства „идеѣ пастырскаго служенія“. Тутъ обиліе пластики и „чрезмѣрная матеріализація формы, противорѣчащая духу православной церковности“ (Отъ театра требуется церковность и при томъ православная!!!). „Наибольшая опасность угрожаетъ священнику отъ созерцанія самихъ актеровъ, формъ ихъ тѣла“. (Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы священнику остерегаться посѣщенія городскихъ бань и купалень...). Вредно сценическое искусство для священника „лицедѣйствомъ“, фальшью и неискренностью актеровъ, надѣвающихъ на себѣ чужую личину, и восхищаться священнику игрою актера значить восхищаться ложью... Наконецъ, „актеры—погибшіе люди“ „какіе то автоматы“, „умственные и нравственные нужды для актера не существуютъ“ и т. д. Своимъ посѣщеніемъ театра священникъ по-

Обозрѣніи 1904, № 3, стр. 352—354 (ср. 338—344) и, что вполне понятно, несочувственно въ *Православно-Русскомъ Словѣ* 1903, № 1 (Ст. прот. Ст. Остроумова), особенно же, конечно въ ж. *Вѣра и Церковь* 1903, кн. 7 (свщ. Іоанна Орфанитскаго „Царство Божіе и театр“), гдѣ, съ повтореніемъ содержанія статьи *Прав.-Русскаго Слова*, не столько статья, сколько я самъ за независимое слово свое подвергнулся поруганію. На извощичь, брань я не счелъ нужнымъ отвѣчать,—тѣмъ болѣе, что мой отвѣтъ на ст. *Прав.-Русск. Слова* въ *Богосл. Вѣстникѣ* 1903, № 3. цѣликомъ годился и для убогой *Вѣры и Церкви*. Свирѣпыми моими оппонентами изъ породы ревнителей православія еще разъ дается случай читателямъ для ознакомленія съ ходячимъ въ духовенствѣ мнѣніемъ о театрѣ. Тутъ документы бытового значенія.

ощрялъ бы пагубную дѣятельность актеровъ и служилъ бы причиною ихъ гибели... „Горе было бы такому священнику“, что слѣдуетъ изъ Мѣ. 18, 16!... Выдавая свой вздоръ за голосъ церкви, авторъ курьезныхъ „сужденій“ заключаетъ ихъ: „вотъ тѣ причины, по которымъ православная церковь воспрещаетъ своимъ служителямъ присутствовать при увеселительныхъ зрѣлищахъ“...¹⁾ Приведенныя здѣсь сужденія признаны „теоретичными“ и черезчуръ искусственными даже единомышленниками автора, хотя точнѣе слѣдовало бы ихъ назвать слишкомъ неестественными, неискренними и фальшивыми для оберегателя искренности въ пастыряхъ. Главное же-здѣсь рѣчь идетъ о какихъ-то умственныхъ и нравственныхъ недоноскахъ или о дѣтяхъ, требующихъ опеки, а не о пастыряхъ, учителяхъ и воспитателяхъ душъ и духовныхъ врачахъ людей. Врачи тѣлесные не боятся для себя клиникъ, больницъ и лазаретовъ,—ни ранъ больныхъ, ни заразныхъ болѣзней, ни труповъ. Духовному врачу, заслуживающему этого имени, нельзя бѣгать отъ больныхъ овецъ своихъ изъ страха заразы: это было-бы отреченіемъ отъ пастырскаго званія и долга и признаніемъ своей несостоятельности; соприкосновеніе съ духовно-больными не должно быть опасно истинному священнику, передъ которымъ въ таинствѣ исповѣди открываются глубины паденія и грѣха. Очевидно, здѣсь шла рѣчь о пастырѣ, бѣгающемъ отъ овецъ своихъ, о пастырѣ не по призванію... Поэтому въ другомъ духовномъ журналѣ ²⁾ вопросъ о дозволенности театра для священника „рѣшается гораздо проще“.... голосомъ одной дамы, жены „весьма почтеннаго, занимавшаго весьма важное общественное положеніе человѣка“, у котораго былъ принятъ авторъ. Дама эта заявила, что она не пригласила бы напутствовать ее священника, если бы онъ оказался въ театрѣ, вмѣстѣ съ другими рукоплескалъ актерамъ, кричалъ bis и т. п. Голосомъ „вѣрующей души христіанской положенъ конецъ всякому мудрованію по этому дѣлу“: рѣшено и подписано — не бывать священнику въ театрѣ, что бы тамъ не застигло приглашеніе его къ напутствію св. Тайнами или другимъ требамъ. И дѣйствительно, отъ театра можетъ быть

¹⁾ *Руководство для сельск. пастырей* 1901, № 3.

²⁾ *С.-Петербург. Духовный Вѣстникъ* 1901, № 32.

пастыри наши не отрываются къ св. требамъ, но за то очень и очень часто отрываются они къ тому отъ „зеленаго поля“, отъ карточныхъ столовъ, отъ столовъ, черезчуръ обремененныхъ „ястіями и питіями“ и отъ другихъ болѣе низкихъ, но обычаемъ „дозволенныхъ“ духовнымъ развлеченіямъ и утѣхъ, замѣнившихъ имъ столь душевредныя литературныя чтенія, оперу, концерты, выставки, драму — все „мірское“ включительно до прогулокъ на свѣжемъ воздухѣ въ общественныхъ садахъ, этихъ единственныхъ клочкахъ природы въ городѣ!... Сколь ни странно такое отреченіе отъ міра и невинныхъ благъ его до свѣжаго воздуха и солнца включительно для женатыхъ пастырей, однако оно, къ сожалѣнію, понятно и неизбежно въ странахъ, гдѣ по историческимъ и національно-расовымъ условіямъ христіанская вѣра приняла односторонне-аскетическую окраску и могла дать только односторонне-аскетическое христіанское міросозерцаніе, такое же богословіе и такой же односторонне-аскетическій идеалъ пастыря. Тутъ дѣйствіе роковыхъ силъ исторіи. Но односторонность все таки остается односторонностью, и она требуетъ смягченія, а вовсе не оправданія и поощренія.

Возможно предположить отрицаніе указанной односторонности въ нашей церковно-религіозной жизни, но тѣмъ не менѣе она остается несомнѣннымъ фактомъ. Свою, такъ сказать, теоретическую формулу, великолѣпную по своей точности и краткости, односторонность эта нашла въ заявленіяхъ правой стороны религіозно-философскихъ собраній объ исключительно потустороннемъ значеніи для насъ христіанства. „Христіанство“, тамъ говорилось, „ставитъ человѣчеству идеалъ небесный, только небесный“, и только *терпитъ, допускаетъ* земное „земной идеалъ“, если земное не препятствуетъ небесному; земной же идеалъ состоитъ въ томъ, что бы „служить искусству, государству, земному благополучію“. Другими словами, христіанскимъ идеаломъ не обнимается ничто земное, все земное исключается имъ и не получаетъ высшаго христіанскаго освященія. Тамъ же говорилось, что христіанская религія враждебна творчеству и неизбежно убиваетъ его на извѣстной высотѣ религіозной настроенности ¹⁾. Разсматриваемая односторонность нашей церковно-

¹⁾ *Новый Путь* 1903, май, записки религіозно-философск. собраній стр. 227—229.

религіозной жизни на тѣхъ же собраніяхъ была констатирована нѣкоторыми „въ реальныхъ явленіяхъ“ церковно-общественной жизни, какъ она проявляется „въ духовной средѣ, въ духовной школѣ, духовномъ вѣдомствѣ“, гдѣ „аскетическіе позывы вошли въ плоть и кровь“¹⁾... Наконецъ тамъ же затрогивался, въ естественной связи съ общимъ вопросомъ о христіанствѣ и культурѣ, вопросъ объ отношеніи христіанства къ театру, и по этому случаю интересно обратить вниманіе на рѣчи правой стороны. Въ этихъ рѣчахъ нашель себѣ выраженіе не христіанскій собственно взглядъ на театръ, а ходячій взглядъ на него нашего русскаго духовенства; высказано было и еще одно возраженіе противъ дозволительности театра для духовныхъ сверхъ разсмотрѣнныхъ нами выше. Было сказано: „Апостолъ Павелъ на вопросъ, можно-ли христіанину ѣсть идоложертвенное?—отвѣчаетъ: мы идоловъ не признаемъ, они для насъ — ничто, и потому можемъ ѣсть жертвенное мясо, но, говоритъ онъ, смотрите, чтобы свобода наша не послужила соблазномъ для немощныхъ совѣстью. Такъ и теперь. Театръ не только служеніе прекрасному, но и служеніе грубому, чувственному. Если представители церкви будутъ сидѣть въ театрѣ, то они этимъ какъ-бы освящаютъ служеніе чувственности“. Такъ говорило духовное лице. Отвѣтъ ему свѣтскаго лица нельзя не признать прекраснымъ: „въ театрѣ, какъ и всюду“, говорилъ Д. С. Мережковскій, „идетъ борьба грубаго, чувственнаго съ возвышеннымъ. вмѣсто того, чтобы бороться съ дурнымъ, монахи просто отходятъ въ сторону. Но вѣдь примѣсъ дурного есть повсюду. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что у насъ нѣтъ христіанской литературы, христіанской науки, христіанскаго государства. Тогда надо быть послѣдовательными, надо уйти не только изъ театра, но и отъ искусства, литературы, науки, государства, изъ всего міра, какъ это сдѣлалъ о. Матвѣй. Разъ вы отступили на одной точкѣ, то должны отступать до конца. Если же нѣкоторые изъ явленій земной культуры принимаете, то должны указать точно принципъ отдѣленія въ нихъ святаго отъ несвятого“²⁾. Думается,

¹⁾ Тамъ же стр. 231.

²⁾ *Новый Путь* 1903, № 5 „Записки религіозно-философскихъ собраній“ стр. 226—227.

опасенія насчетъ соблазнительности открытаго посѣщенія духовными театра, пожалуй, могутъ имѣть основанія, пока паства, воспитанная самимъ же духовенствомъ въ односторонне-узкихъ воззрѣнiяхъ, не поднимется до болѣе широкихъ и болѣе христіанскихъ воззрѣній. Но возможный здѣсь соблазнъ легко устраняется дозволеніемъ духовенству носить во внѣслужебное время общую свѣтскую одежду и короткіе волосы. Такимъ образомъ мы естественно здѣсь подходимъ къ вопросу, который тоже неизлишне обсудить,—о ношеніи духовной одежды во внѣслужебное время. Конечно, онъ вызывается другими, болѣе важными, причинами, и независимо отъ вопроса о посѣщеніи театра давно уже поставленъ жизнью, не мало обсуждался въ духовной и свѣтской печати, допускаетъ и дальнѣйшее себѣ здѣсь обсужденіе, но болѣе всего ждетъ компетентнаго разрѣшенія со стороны Церкви и ея распоряженія. Ношеніе свѣтской одежды духовенствомъ во внѣслужебное время требуется прежде всего интересами пастырскаго служенія и, слѣдов., благомъ Церкви и является насущною нуждою Церкви, а не прихотью и стремленіемъ къ увеличенію удовольствій и удобствъ жизни въ средѣ „недостойныхъ пастырей“, тяготящихся священствомъ. Вопросъ серьезнѣе, и жаль, что эта сторона дѣла довольно слабо выдвигалась въ печати.

Прот. П. Свѣтловъ.

Кіевъ
12 января 1906 г.
